

Ли Синь еще не покинул школу. В группе для дополнительных занятий собрались пятиклассники, но сельский староста внезапно привел еще двоих помощников-учителей.

Ими оказались Цзинь Няньчжэнь и Лю Цишань. Лю Цишань был одним из двух учеников в деревне, сумевших поступить в Первую среднюю школу, а Цзинь Няньчжэнь предоставил табель с оценками:

Китайский язык: 140

Математика: 145

Английский язык: 138

Гуманитарные науки: 280

...

Второе место по успеваемости среди всех старшеклассников Цзинду. Настоящий гений. Ли Синь пробежал глазами комментарии учителей, которые рассыпались в комплиментах, вознося мальчика до небес.

Чэнь Ихуань сидела напротив учительского стола, глядя в пустоту и слушая смущенный голос Цзинь Няньчжэня:

— В этом семестре я плохо сдал английский, отец меня отчитал. Но по гуманитарным предметам, вроде истории, у меня неплохие результаты.

Полуденное солнце за окном светило мягко и тепло. Сквозь стекло упал золотистый луч, коснувшись лица Цзинь Няньчжэня. Его ресницы слегка дрогнули, а в глубине глаз, словно пронизанных светом, заиграл яркий, сияющий блеск. На губах застыла вежливая улыбка. Он никогда не позволял себе выглядеть неуместно — идеальный, безупречный человек.

Уголок рта Чэнь Ихуань дернулся. Она снова посмотрела на табель в руках учителя.

Что за вздор?

Лю Цишань и Хуан Ваньтин не проявили никаких эмоций: первый лишь слегка кивнул, а вторая смотрела на него с нескрываемым восхищением. Цзинь Няньчжэнь заметил, как она быстро поморщила носик, и, решив, что никто не заметил, слегка расслабил лицо. Сейчас его улыбка была по-настоящему искренней.

Он мог бесстыдно лгать, сохраняя при этом невозмутимый вид. Осторожность, осмотрительность, отсутствие слабых мест — таким стал Цзинь Няньчжэнь после долгих лет суровых испытаний. Он не знал стыда и ничего не боялся.

Чэнь Ихуань встречала много разных людей. Ее отец был одним из них: он стремился лишь

вверх, ради власти и статуса был готов бросить жену и детей. Ее мать была слабой, полной жалости к себе женщиной, которая после предательства мужа угасла от тоски; мужчина был для нее опорой, но оказался никчемным трусом.

А Цзинь Няньчжэнь... Таких она видела впервые. Мягкий и обходительный, он вызывал у нее ощущение, будто за ней из засады наблюдает дикий зверь, скрывающий за спокойствием опасную, бурлящую тьму.

Чэнь Ихуань нельзя было назвать робкой. Она могла в одиночку с улыбкой противостоять группе хулиганов у школьных ворот. Но перед Цзинь Няньчжэнем в голове у нее всплывало лишь одно слово:

Бежать!

Лучше всего — бежать как можно дальше.

Ли Синь быстро распределил обязанности. Хуан Ваньтин в расчет не брали: ее успеваемость позволяла учиться в старшей школе Пхеньян лишь благодаря связям Хуан Шаня в деревне. В противном случае ей пришлось бы платить школе минимум семьсот юаней каждый семестр. Лю Цишань отлично разбирался в точных науках, Цзинь Няньчжэнь тяготел к гуманитарным, а у Чэнь Ихуань все предметы были на среднем уровне.

Так и решили: Лю Цишань отвечает за математику, Цзинь Няньчжэнь — за китайский язык и основы гуманитарных дисциплин, а Чэнь Ихуань берет на себя английский.

Так они успешно втерлись в дело. Хуан Ваньтин стояла в стороне, надув губы от недовольства, но с её знаниями она сама нуждалась в обучении, а не в преподавании. Ей стоило бы заново пройти программу с шестого класса по среднюю школу.

По дороге домой Хуан Ваньтин была неразговорчива, а Чэнь Ихуань старалась даже не поворачиваться к Цзинь Няньчжэню. Она взглянула на расписание: пять дней в неделю, и целых три утра они будут проводить вместе!

По спине пробежал холодный пот. Проходя мимо лавки, Хуан Ваньтин решила купить перекус — здесь продавалось много того, чего в Цзинду не найти: острая лапша с маленькой фабрики, конфеты-близнецы по десять фэней за штуку, приторно-сладкое желе и жареная мука, замаскированная под картофельные чипсы. Все такое пестрое, с уродливыми, но приметными обертками.

Цзинь Няньчжэнь, заинтересовавшись, вошел следом. Увидев банку конфет со вкусом гуавы, он внезапно повернулся и широко улыбнулся:

— У тебя в комнате тоже стоит такая банка. Я принес тебе одну в тот день.

Та банка досталась Чэнь Ихуань в качестве награды от Ли Синя, когда она впервые опередила

Лю Цишаня и заняла первое место. Для ученицы средней школы полная банка конфет была ценным подарком, и она хранила ее у изголовья, не решаясь съесть.

Она вспомнила ту зеленую конфетку, лежавшую рядом с таблетками, и во рту будто разлилась сладость. Девушка едва заметно кивнула. Лицо ее оставалось бесстрастным, но внутри все кипело.

Мало того, что он влез в их группу, так еще и воровал ее конфеты!

В ее мысленном черном списке для Цзинь Няньчжэня появилась еще одна запись.

Закупившись, Чэнь Ихуань поспешно попрощалась, сославшись на необходимость готовиться к занятиям. Хуан Ваньтин пришлось неохотно последовать за ней.

Цзинь Няньчжэнь вернулся в старый особняк. Няня вышла навстречу с корзиной зеленых фиников и заулыбалась:

— Молодой господин, финики с этого дерева такие сладкие! Впервые в этом году урожай дали.

Цзинь Няньчжэнь оглянулся на дерево. пышная крона, недавно еще полная густых, сочных плодов, теперь почти опустела. Взгляд его потемнел. Лицо оставалось спокойным, но Матушка Сюй почувствовала, что он разгневан.

— Все, что растет здесь или было куплено, не трогай без спроса.

Цзинь Няньчжэнь вспомнил, как она замирала, сдерживая дыхание — даже из-за одной конфеты. Как теперь объяснить такое количество сорванных плодов? Голова начинала болеть. Матушка Сюй стояла с корзиной, не зная, что делать — не вешать же их обратно на ветки.

Вернувшись, Чэнь Ихуань уткнулась в тетрадь на столе Хуан Ваньтин. Та заглянула через плечо, но увидела лишь непонятные английские буквы, от которых у нее закружилась голова, и она отсела подальше. В последнее время она только и делала, что говорила о Цзинь Няньчжэне, но Чэнь Ихуань была слишком занята своими мыслями, чтобы слушать.

О, ненавистный Цзинь Няньчжэнь!

Он почти не трогал её вещи, даже постельное белье няня заменила на их собственное. В комнате прибавилось электроприборов, закусок и фруктов, а в банке оставалось девяносто девять конфет — единственную съела сама Чэнь Ихуань.

Перед сном Цзинь Няньчжэнь представлял, что же она прячет в том запертом ящике. Чэнь Ихуань сидела там, серьезная, бережно укладывала свои сокровища, аккуратно запирала ящик и прятала ключ. Можно было представить её выражение лица: сияющие глаза, приподнятые брови, частое дыхание, едва заметно дрожащие кончики пальцев. Она казалась такой юной и неопытной, но была невероятно осторожна, боясь допустить ошибку.

Она была так похожа на него. Люди, скрывающие свои истинные чувства, всегда узнают друг друга. Он провел пальцами по грубой древесине края ящика — это прикосновение вызывало зависимость.

Завтра он едет в город смотреть на найденный Бронзовый треножник. Говорят, поблизости обнаружили и другие древности. Староста позвонил Хуан Шаню, чтобы тот сопровождал их вместе с Чэнь Ихуань и Хуан Ваньтин.

Услышав об этом за ужином, Хуан Ваньтин пришла в восторг, а Чэнь Ихуань молча жевала овощи, стараясь проглотить кусок.

От судьбы не уйти.

Вечером Хуан Ваньтин целый час выбирала одежду для завтрашней поездки и легла спать пораньше. Чэнь Ихуань же ворочалась с боку на бок. Правила выживания, которые она усвоила за годы учебы, помогали ей справляться даже с самыми искушенными взрослыми. Но перед Цзинь Няньчжэнем она пасовала. Он не понимал намеков, не знал границ, казался невинным, совсем как она сама.

Но действительно ли он не понимал?

Его взгляд, его слова, жесты, случайные прикосновения — они были такими откровенными, словно он говорил ей: Ну и что с того, что я делаю это намеренно?

Чэнь Ихуань нахмурилась от досады и так и не смогла уснуть. А Цзинь Няньчжэнь в своей кровати спал безмятежным, сладким сном.

<http://bllate.org/book/22133/2306010>